

Общественная опасность и целесообразность в свете криминализации деяний с признаками административной преюдиции: анализ теории и правоприменения

Ю. С. Караваяева

НИУ ВШЭ-Пермь

ул. Студенческая, 38, 614051, Пермь, Россия. E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

Призванное нормативно отграничить преступное от непроступного, уголовно-правовое законодательство вернуло в действующий уголовный закон административную преюдицию. Количество соответствующих норм в Особой части уголовного закона увеличивается, что обуславливает поддержание внимания к данному институту со стороны научной общественности. При этом предметом обсуждения выступают как фундаментальные вопросы природы норм с административной преюдицией, так и частные проблемы юридико-технического порядка. Без преувеличения одним из наиболее сложных вопросов следует признать вопрос об основаниях криминализации соответствующих деяний, поскольку ставит исследователя перед необходимостью объяснить механизм возникновения свойства общественной опасности у деяния, аналогичного ранее совершенному, но этим свойством не обладающему. По большому счету речь идет о наличии объективно существующих свойств, позволяющих отграничить преступное поведение от непроступного. Анализ источников позволяет выделить две точки зрения, сложившиеся среди сторонников административной преюдиции в уголовном законе, в рамках которых возникновение общественной опасности связывается с кумулятивным эффектом, который проявляется либо в совокупном вреде массово распространенных деяний, либо в личностных качествах виновного, склонного к противоправному поведению. Наряду с этим, мы выдвигаем предположение о криминализации отдельных деяний с признаками административной преюдиции по соображениям целесообразности, в обоснование чего приводим данные правоприменительной деятельности судов. Анализ судебной практики и официальной статистики позволяет сделать вывод о том, что на уровне практической деятельности зависимость между общественной опасностью и целесообразностью как основаниями криминализации рассматриваемых деяний и эффективностью нормы четко проявляется: нормы, появившиеся по соображениям целесообразности, относятся к «мертвым». Что же касается оценки общественной опасности рассматриваемых деяний, то далеко не всегда суды разделяют подход законодателя, хотя в целом фактически дифференциация административной и уголовной ответственности имеет место.

Ключевые слова: административная преюдиция, основания криминализации.

Public Danger and Expediency in Relation to Criminalization of Acts with Signs of Administrative Prejudice: Analysis of Theory and Law Enforcement

Y. S. Karavaeva

Perm Higher School of Economics

38 Studentskaya str., 614051, Perm, Russia. E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

Designed to normatively distinguish crime from non-crime, criminal legislation has regained administrative prejudice to the current criminal law. The number of relevant norms in the Special part of the Criminal Law has been increasing, which keeps up the interest of scientific community for this institution. Notably, both the substance of norms with administrative prejudice and incidental problems of legal and technical order become topics for discussion. Without exaggeration, one of the most complicated problems is finding the grounds for criminalization of certain acts, since the researcher faces the need to explain the mechanism triggering the quality of public danger in an act similar to the previously committed, but lacking this quality.

Generally speaking, there objectively exist qualities that allow us distinguish criminal behavior from non-criminal. The analysis of the sources permits identifying two points of view that have developed among the supporters of administrative prejudice in the criminal law, both views associate the emergence of public danger with a cumulative effect, which manifests itself either in the cumulative harm of widespread acts, or in the personal qualities of the liable person, prone to illegal behavior. Besides, we propose the idea of criminalization of certain acts with signs of administrative prejudice for reasons of expediency, in support of which we provide data on the law enforcement activities of the courts. Analysis of judicial practice and official statistics allows us to conclude that at the level of practical activity, the relationship between public danger and expediency as grounds for criminalization of the acts in question and the effectiveness of the norm is clearly manifested: the norms that appeared for reasons of expediency belong to the "dead". As for the assessment of the public danger of the acts discussed, the courts do not always share the approach of the legislator, although in general there is actually a differentiation of administrative and criminal responsibility.

Key words: administrative prejudice, grounds for criminalization.

Присутствие в уголовном законе норм с административной преюдицией вызывало активное обсуждение как в советской, так и в российской уголовно-правовой науке. Учетные на момент разработки и принятия УК РФ 1996 года критические замечания научной общественности обусловили отказ законодателя от использования этого юридико-технического приема конструирования составов преступлений в новом законе. Однако, прежде всего, политическая воля вновь актуализировала подобную законотворческую практику, поскольку после слов Президента РФ в 2009 году о необходимости использования административной преюдиции в целях декриминализации [Послание Президента РФ 2009] действующий Уголовный кодекс РФ регулярно пополняется соответствующими положениями: в частности, за период 2018-2022 гг. появилось 10 таких составов, что увеличило общее количество уголовно-правовых норм с административной преюдицией до 27, не считая ст. 154 и 180 УК РФ, содержащих признаки так называемой «скрытой» преюдиции [Сидоренко 2016: 125-133].

Подобная ситуация позволяет согласиться с Э. Л. Сидоренко, отмечающей, что «состав с административной преюдицией уже поздно рассматривать с позиции возможности его введения в УК РФ» [Сидоренко 2016: 125-133]. Действительно, законодательные изменения совершенно определенно свидетельствуют о намерении и впредь использовать этот юридико-технический способ конструирования составов преступлений в нормах Уголовного кодекса РФ.

Полагаем, что на текущем этапе более перспективным с точки зрения целей уголовно-правового регулирования выступает обсуждение проблем, вызванных непоследовательной позицией законодателя в части технического конструирования составов с административной преюдицией и не всегда ясной логикой криминализации соответствующих деяний. По большому счету, все дискуссии и критические замечания по поводу данных уголовно-правовых норм соответствуют одному из обозначенных направлений: либо исследователи сосредотачиваются на проблемах фундаментального порядка, связанных с правовой природой таких норм, обращаясь к категории общественной опасности и вопросам межотраслевой дифференциации юридической ответственности, соотношению уголовного и административного права в контексте теории «широкого» уголовного права [Есаков 2013: 37-45; Головкин 2016: 139-145], либо предметом обсуждения выступают вопросы частного порядка, связанные с отсутствием юридико-технического единообразия конструкций рассматриваемых норм.

Такое обширное исследовательское поле обусловлено, во-первых, межотраслевой природой административной преюдиции, находящейся на пересечении смежных охранительных отраслей уголовного и административного права. Во-вторых, административную преюдицию можно рассматривать как симптом неизбежного приближения отечественного уголовно-правового закона к точке, именуемой в синергетике точкой бифуркации, лежащей у основания возможных альтернативных путей дальнейшего движения – вспять или вперед. Поднимаемые ею вопросы образуют остов отечественной уголовно-правовой отрасли и науки, а их переосмысление связано с дилеммой сохранения «чистого» уголовного права или стирания догматических границ с последующим максимальным сближением с административным правом.

В связи с указанным особое значение приобретает анализ правоприменительной деятельности как своеобразного индикатора, позволяющего верифицировать предположение законодателя в части обоснованности криминализации того или иного деяния, адекватности законодательной оценки общественной опасности преступления и, в конечном итоге, жизнеспособности уголовно-правовой нормы.

Появлению запрета в уголовном законе должно предшествовать выявление объективной необходимости в криминализации деяния, свидетельством которой выступает существование в обществе явлений, представляющих опасность для его членов и сложившегося социального уклада – в том числе и в силу их распространенности, но при этом не подпадающих под действие актуального уголовного закона. Эти положения имеют значение аксиом теории криминализации и, как представляется, их соблюдение есть залог эффективного уголовно-правового законотворчества. Вместе с тем применительно к нормам с признаками административной преюдиции концепт общественной опасности как основания криминализации деяний оказался поставленным под сомнение, и вот почему.

Наделение деяния свойством общественной опасности традиционно позволяет отграничить его от неправомерных форм поведения. В связи с тем, что из ряда повторно совершенных лицом тождественных административных деяний последнее признается преступным, закономерно возникает вопрос о том, что именно лежит в основе придания ему

свойства общественной опасности. Действительно, последнее из совершенных правонарушений получает уголовно-правовую оценку, ничем не отличаясь при этом от предыдущих противоправных актов. Сохраняется внешнее тождество деяний: неизменным остается объект посягательства, характер и объем причиненного вреда не превышают формально установленные пределы, принципиально не меняются и иные признаки состава. Однако именно повторность административно наказуемых деяний, учтенная законодательно и зафиксированная правоприменителем в актах привлечения к административной ответственности, обуславливает появление оснований для уголовной ответственности.

В уголовно-правовом смысле повторность обычно рассматривается в смысле линии поведения, предполагающей смысловую взаимосвязь каждого последующего проступка с предыдущими посредством, прежде всего, общей конечной цели и намерения выполнить все намеченные этапы. Мы знаем, что если речь идет об уголовно наказуемых проступках, то подобная схема характеризует единичное продолжаемое преступление, чем, однако, деяние с административной преюдицией не является [Лопашенко 2011: 64-71]. Для последнего повторность имеет исключительно техническое значение, позволяя лишь учесть предшествующее противоправное поведение лица в целях привлечения к уголовной ответственности без обращения к анализу субъективной составляющей.

Обращение к конструкции уголовно-правовой нормы с признаками административной преюдиции позволяет предположить, что именно за счет повторности происходит возрастание общественной опасности административного правонарушения до степени, характерной преступлению. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина» отмечается, что «общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства» [Постановление 2017]. Значит ли это, что речь идет о механическом суммировании повторных проступков, вредоносность которых за счет накопительного эффекта придает общественную опасность, а следовательно, преступность последнему из них?

Кумулятивный эффект в деяниях с административной преюдицией проявляется не в общем числе противоправных деяний, механическое суммирование которых дает уголовно наказуемый итог, и не в общем объеме наступивших вредных последствий, хотя он может приближаться к критической массе, необходимой для констатации той степени общественной опасности, которая отличает преступление от иного правонарушения, или даже превысит ее. В данном случае эффект накопления имеет место при условии массовой распространенности соответствующих административных правонарушений, проявляясь в конечном массовом вреде, существенность которого приобретает значение социального основания криминализации. Описывая ситуацию массового распространения мелких хищений с возрастанием географической их динамики, И. Я. Козаченко и Д. Н. Сергеев указывают, что «при широкой распространенности случаи, объединенные идеологией по типу «не обеднеют», способны поставить на колени даже крупные предприятия, учреждения, организации и т. п. А в совокупности провоцируют возникновение очагов социальной напряженности, что и создает обоснованные предпосылки для справедливой криминализации деяния» [Козаченко, Сергеев 2020: 144]. Отметим, что указанные авторы, рассматривая недостижимость рациональной криминализации и констатируя иррациональность имеющей место, выделяют архетипы последней, среди которых – архетип кумуляции, ярко проявляющийся в нормах с административной преюдицией. Ученые подчеркивают негативный эффект подобного подхода, поскольку «...повторность административного правонарушения не повышает его опасность. Опасность возможна лишь при массовом повторении одних и тех же случаев» [Козаченко, Сергеев 2020: 144].

Полагаем, что подобная логика применима к фактически распространенным непреступным вредоносным деяниям, противодействие которым силами административного права оказалось низкоэффективным. В первую очередь речь идет о побоях, мелких кражах, нарушениях правил дорожного движения и некоторых иных деяниях, криминализованных с использованием административной преюдиции.

Таким образом, повторность, характеризующая механизм накопления общественной опасности от правонарушения к преступлению в нормах с административной преюдицией, объясняет качественную трансформацию некоторого количества непреступных актов в преступный. Анализ научной литературы позволяет выделенную позицию отнести к одной из двух, сформировавшихся среди сторонников рассматриваемого уголовно-правового института и лиц, пытающихся обосновать его существование в уголовном законе. В частности, Н. И. Пикуров определяет административную преюдицию в уголовном законе как «...систему однородных действий, причиняющих совокупный вред одному и тому же объекту» [Пикуров 1998: 177].

Вторая точка зрения также обращается к эффекту накопления общественной опасности в деяниях с административной преюдицией, однако связывает его с укреплением тех личностных качеств виновного, которые обусловили совершение каждого из правонарушений и коррекция которых посредством мер административно-правового воздействия оказалась невыполнимой задачей. В литературе сказано достаточно [Колосова 2011: 246-254; Иванчин 2017: 50-53], чтобы обоснованно заключить о типичном для личности такого преступника состоянии готовности к противоправному поведению, подкрепленному знанием о неуголовном характере правовых последствий содеянного.

В первую очередь в рамках этой позиции появляется необходимость в решении вопроса о соотношении общественной опасности деяния и деятеля, по которому в науке уголовного права единогласия не достигнуто. В целом точка зрения тех ученых, которые обосновывают необходимость учета общественной опасности деятеля при определении аналогичного показателя совершенного деяния, представляется логичной - тем более, что

действующий уголовный закон содержит немало примеров, ее подтверждающих. В частности, речь идет о дифференциации уголовной ответственности с использованием признаков специального субъекта преступления и специального потерпевшего (например, ч. 2 ст. 119 УК РФ), о требовании учитывать признаки личности виновного в рамках индивидуализации уголовной ответственности (ч. 3 ст. 60 УК РФ, ст. 61, 63 УК РФ и др.). Отсюда тезис о том, что в основе качественного преобразования проступков в преступление лежит учтенная общественная опасность виновного, как представляется, не противоречит закону и доктрине.

Таким образом, обоснование общественной опасности деяний с признаками административной преюдиции связывается с кумулятивным эффектом, проявляющимся либо во вредных последствиях, причиняемых массово распространенными проступками, что требует уголовно-правового воздействия, либо в свойствах личности, чье административно наказуемое поведение демонстрирует склонность или готовность к поведению преступному.

Очевидно, что каждая из приведенных позиций неустойчива в некоторой своей части и по-другому быть не может, поскольку законодатель придал легальный характер конструкции, заведомо противоречащей сложившемуся в доктрине и нормативно закрепленному подходу к разграничению преступления и правонарушения. Тем не менее представляется, что рассмотрение опасности деяний с признаками административной преюдиции сквозь призму кумулятивного эффекта и свойств личности преступника позволяет объяснить логику их криминализации – однако не всегда. Имеется в виду ситуация, когда уголовно-правовое законодательство не только, а иногда и в большей степени ориентируется на соображения целесообразности при отсутствии соответствующих социальных предпосылок. Результаты такой деятельности направлены на решение сиюминутных задач, поэтому нормы зачастую отличаются казуистичностью, конъюнктурностью («реактивностью»), их введение в уголовный закон сопровождается нарушением требования его системности, следствием чего выступает их заведомая нежизнеспособность.

Применительно к запретам с административной преюдицией индикатором подобной природы является заметная репрессивность санкций ряда из них. Более того, рассматривая административную преюдицию в уголовном законе в свете межотраслевой дифференциации ответственности и предполагая в связи с этим «обеспечение преемственности, в том числе, в видах юридической ответственности» [Васильевский, Кругликов 2003: 52], именно на примере указанных норм мы можем наблюдать нарушение указанного правила. Речь идет о том, что переход от одного вида ответственности к другому, пусть и в рамках смежных правовых отраслей, не может осуществляться скачкообразно, а преемственность этих видов ответственности обеспечивается последовательным возрастанием интенсивности мер воздействия пропорционально изменению вредоносности или общественной опасности деяния. Обращение к вновь появившимся уголовно-правовым нормам с признаками административной преюдиции показывает, что, как правило, законодатель придерживается этой позиции, относя абсолютное большинство деяний к преступлениям небольшой тяжести (18 из 27). Вместе с тем санкции в ряде норм позволяют относить запрещенные ими преступления к категориям средней тяжести (7), а в одном случае – к тяжким. На недопустимость подобной ситуации уже указывалось в науке: «если составы преступлений с административной преюдицией являются «промежуточным звеном» между правонарушением и преступлением, то характер и степень общественной опасности таких деяний не должна быть высокой» [Фисенко 2019: 164-167], и обоснованность этого возражения выглядит очевидной: действительно, если в чч. 2 и 5 ст. 215.3, ч. 2 ст. 215.4 УК РФ изменение категории преступлений от небольшой до средней тяжести или тяжелой происходит за счет иных криминообразующих признаков состава (способ, предмет, дополнительные последствия), то в ст. 212.1, 280.1, ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 284.1 УК РФ и др. подобные признаки отсутствуют. Несмотря на «промежуточный» характер деяний с административной преюдицией, законодатель приравнивает их общественную опасность к этому же показателю преступлений средней тяжести.

Как было указано выше, эффективность законодательства подтверждается, прежде всего, в рамках правоприменения. Обращение к судебной практике и данным официальной статистики позволит, на наш взгляд, подтвердить или опровергнуть предположение об обоснованности криминализации деяний с признаками административной преюдиции в свете общественной опасности или целесообразности.

Анализ данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2019-2021 гг. показывает, что к нормам, не применявшимся ни разу или применявшимся в единичных случаях, относятся по большей части те, в отношении которых мы высказали предположение о целесообразности, лежащей в основе криминализации соответствующих деяний. Будучи реактивными по своей природе и/или имея регулятивную направленность, такие уголовно-правовые запреты редко применяются на практике – в частности, речь идет о ст. 212.1, 215.4, 280.1, ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 284.1, чч. 2 и 3 ст. 330.1 УК РФ [Отчет о числе осужденных 2019; Отчет о числе осужденных 2020; Отчет о числе осужденных 2021]. В марте 2022 года в Уголовный кодекс РФ были введены ч. 1 ст. 280.3, ст. 284.2, очевидно имеющие характер «реакции» государства на актуальную ситуацию, и об их эффективности можно только предполагать.

В отличие от указанных норм, в рассматриваемом периоде активно применялись ст. 116.1, 151.1, 157, 158.1, 171.4, ч. 1 ст. 215.3, ч. 1 ст. 264.1, ч. 2 ст. 314.1 УК РФ, что должно оцениваться как подтверждение тезиса об обоснованности криминализации соответствующих деяний. Интересно, что иллюстрацией к утверждению о кумуляции общественной опасности в свойствах личности преступника выступает анализ статистики рецидива применительно к перечисленным деяниям. Так, к примеру, в 2021 году число осужденных по ст. 116.1 УК РФ, имеющих судимость на момент судебного рассмотрения, составило 53%, а еще у 11% судимость была снята или погашена. Среди осужденных по ст. 151.1 УК РФ эти же показатели составили 5% и 3% соответственно; по ч. 1 ст. 157 УК РФ – 38% и 14%; по ст. 158.1 УК РФ – 83% и 4%; по ст. 171.4 УК РФ – 18% и 9%; по ч. 1 ст. 215.3 УК РФ – 18% и 6%; по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ – 34% и 9%; по ч. 2 ст. 314.1 УК РФ – 96% и 2% [Отчет о характеристике преступления 2021].

Ценность приведенных данных заключается в том, что они характеризуют личность преступника в деяниях с признаками административной преюдиции не только как избравшего линию административно наказуемого поведения, но и как имеющего криминальный опыт. Не будет преувеличением обозначить указанную характеристику типичной – особенно для отдельных деяний, указанных выше. Что касается группы преступлений, в отношении которых мы выдвинули предположение об их криминализации по соображениям целесообразности, то в единичных случаях их выявления, как правило, виновные осуждаются впервые.

Помимо этого, представляется необходимым обратиться к практике определения судами мер ответственности за их совершение, что, на наш взгляд, позволит сделать вывод о правоприменительной оценке адекватности законодательного подхода к определению общественной опасности соответствующих деяний. В связи с этим следует упомянуть исследование С. А. Маркунцова, который, исходя из анализа практики применения ст. 151.1 УК РФ, сделал вывод о том, что увеличения карательного воздействия по сравнению с мерами административной ответственности, назначенными за первое правонарушение, не происходит [Маркунцов 2019: 256-263].

Обратившись к данным о правоприменении за период 2019-2021 гг., можно, во-первых, констатировать, что среди видов наказаний, назначаемых судами за совершение преступлений с административной преюдицией, наиболее часто встречаются исправительные и обязательные работы, штраф, в меньшей степени – реальное лишение свободы. Достаточно часто суд прибегает к возможностям условного осуждения. Эта ситуация объясняется тем, что «работающие» нормы с административной преюдицией устанавливают ответственность за преступления небольшой тяжести, поэтому зачастую наиболее строгое наказание не связано с лишением свободы – этот вид наказания назначается преимущественно при вменении ст. 158.1 УК РФ (43%); ч. 2 ст. 314.1 УК РФ (50%). Что касается размеров штрафов, то в среднем они превышают размеры административных штрафов за аналогичные правонарушения.

Исходя из указанного, можно сделать вывод о том, что в целом дифференциация административной и уголовной ответственности на практике имеет место, поскольку карательная нагрузка назначаемых судами мер превышает воздействие в рамках административного наказания. Представляется, таким образом правоприменитель констатирует большую общественную опасность преступления относительно аналогичного проступка как признака объективной стороны его состава. Вместе с тем обращение к отдельным приговорам судов показывает, что имеют место ситуации, не подпадающие под это обобщение: во-первых, в некоторых случаях суды назначают уголовное наказание, карательная нагрузка которого абсолютно совпадает с ранее назначенным административным наказанием за совершенное правонарушение [Приговор Шабалинского районного суда 2021; Приговор Вологодского районного суда 2020].

Во-вторых, незначительные сроки и размер денежных удержаний в рамках исправительных работ, природа которых некоторыми учеными определяется как «штраф в рассрочку» [Маркунцов 2019: 256-263], ставит вопрос о том, что правоприменитель фактически корректирует представления законодателя о разнице опасности и вредоносности преступления и проступка. В-третьих, к интересным результатам приводит обращение к практике привлечения к ответственности по уголовно-правовой норме, смежной с нормой, имеющей признаки административной преюдиции – в частности, возьмем ст. 116 и 116.1 УК РФ. Анализ отдельных судебных приговоров позволяет установить, что в значительной части случаев побои (ст. 116 УК РФ) совершаются в совокупности с иными уголовно наказуемыми деяниями (как правило, ст. 119 УК РФ), и назначенное по правилам ст. 69 УК РФ окончательное наказание имеет условный характер. Фактически это приводит к ситуации, когда наказание за побои с признаками административной преюдиции оказывается более ощутимым для виновного, чем мера ответственности, избранная за преступные «сами по себе» побои: например, в 2021 гг. по ст. 116.1 УК РФ 31% виновных осужден к исправительным работам, 43% – к обязательным работам, 20% – к штрафу [Отчет о видах наказания 2021].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что применительно к преступлениям с признаками административной преюдиции на уровне уголовно-правового законодательства создана возможность привлечения к ответственности вне зависимости от того, что лежит в основании криминализации деяния – общественная опасность или целесообразность, поскольку повторность проступка в период административной наказанности (привлеченности к ответственности) автоматически ставит вопрос о его преступности. Однако на уровне практической деятельности зависимость между этими основаниями и применением нормы четко проявляется: нормы, появившиеся по соображениям целесообразности, относятся к «мертвым».

Что же касается оценки общественной опасности рассматриваемых деяний, то далеко не всегда суды разделяют подход законодателя, хотя в целом фактически дифференциация административной и уголовной ответственности имеет место.

Литература

- Васильевский А.В., Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003.
- Головкин Л.В. Разграничение административной и уголовной ответственности по российскому праву / Lex Russica. - 2016. - Т. 25. - № 1. - С. 139-145.
- Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле / Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2013. - № 1 (6). - С. 37-45.
- Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве / Уголовное право. - 2017. - № 4. - С. 50-53.

- Козаченко Я.И., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург, 2020.
- Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2011. - №5 (1). - С. 246-254.
- Лопашенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2011. - № 3 (23). - С. 64-71.
- Маркунцов С.А. О применении уголовно-правовых запретов, сконструированных с использованием административной преюдиции / Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». - 2019. - № 3. - С. 256-263.
- Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Наумова. Волгоград, 1998.
- Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. / Российская газета. - 2009. - 13 нояб. - № 214.
- Постановление Конституционного Суда РФ по делу от 10.02.2017 № 2-П «О проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» / Вестник Конституционного Суда РФ. - 2017. - № 2. - С. 59–82.
- Приговор Вологодского районного суда Вологодской области от 22 сентября 2020 года по делу № 1-16/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FLcaimlkNTZO/>.
- Приговор Шабалинского районного суда Кировской области от 29 июня 2021 года по делу №1-2/25/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XeCLAiQNI0JR/>.
- Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы применения / Журнал российского права. - 2016. - № 6. - С. 125-133.
- Ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2019 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.
- Ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2020 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259>.
- Ф. 10а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2021 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
- Ф. 11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2021 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
- Ф. 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2021 года». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669>.
- Фисенко Д.Ю. Проблемы правовой регламентации института административной преюдиции в действующем уголовном законодательстве / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы международной научной конференции. Красноярск (4-5 апреля 2019 г.) / отв. ред. Н.Н. Цуканов. Красноярск, 2019. - С. 164-167.

References

- Esakov, G.A. (2013). From administrative offenses to criminal offenses, or about the existence of criminal law in the "broad" sense. *Criminalist's Library. Scientific journal*, 1 (6), 37-45 (in Russian).
- Fisenko, D.Y. (2019). Problems of legal regulation of the institute of administrative prejudice in the current criminal legislation. *Actual problems of combating crime: issues of theory and practice: materials of the international scientific conference*. N.N. Tsukanov (Ed.). Krasnoyarsk, 164-167 (in Russian).
- Golovko, L.V. (2016). Differentiation of administrative and criminal liability under Russian law. *Lex Russica*, 1, 139-145 (in Russian).
- Ivanchin, A. (2017). On the benefits of reasonable use of administrative prejudice in criminal law. *Criminal law*, 4, 50-53 (in Russian).
- Kolosova, V.I. (2011). Administrative prejudice as a means of preventing crimes and improving criminal legislation. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 5 (1), 246-254 (in Russian).
- Kozachenko, Ya.I., Sergeev, D.N. (2020). *New criminalization: a philosophical and legal guide to the world of the criminal and the unapproachable: a monograph*. Yekaterinburg (in Russian).
- Lopashenko, N.A. (2011). Administrative prejudice in criminal law – No way! *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 3 (23), 64-71 (in Russian).
- Markuntsov, S.A. (2019). On the application of criminal law prohibitions constructed using administrative prejudice. *Bulletin of the Voronezh State University. The series "Law"*, 3, 256-263 (in Russian).

- Message of the President of the Russian Federation D. A. Medvedev to the Federal Assembly of the Russian Federation. (2009). Rossiyskaya Gazeta, 214. (in Russian).
- Pikurov, N.I. (1998). Criminal law in the system of intersectoral relations: monograph / edited by Dr. jurid. of sciences, prof. A.V. Naumova: a monograph. Volgograd. (in Russian).
- Report on the characteristics of the crime, its recidivism and repetition by the number of convicts for all elements of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation. (2021). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (in Russian).
- Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases. (2019). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (in Russian).
- Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases. (2020). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (in Russian).
- Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases. (2021). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (in Russian).
- Report on the types of punishment for the most serious crime (excluding addition). (2021). Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation "On checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin". (2017). The case No. 2-P. Available from: Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation, 2, 59-82 (in Russian).
- Sidorenko, E.L. (2016). Administrative prejudice in criminal law: problems of application. Journal of Russian Law, 6, 125-133 (in Russian).
- The verdict of the Shabalinsky District Court of the Kirov region . (2021). The case No.1-2/25/2021. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/XeCLaiQNIQJR/> (in Russian).
- The Verdict of the Vologda District Court of the Vologda region. (2020). The case No. 1-16/2020. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/FLcaimkNTZO/> (in Russian).
- Vasilevsky, A.V., Kruglikov, L.L. (2003). Differentiation of responsibility in criminal law: a monograph. St. Petersburg (in Russian).

Citation:

- Караваева Ю.С. Общественная опасность и целесообразность в свете криминализации деяний с признаками административной преюдиции: анализ теории и правоприменения // Юрислингвистика. – 2022. – 25. – С. 35-41.
- Karavaeva Y.S. (2022). Public Danger and Expediency in Relation to Criminalization of Acts with Signs of Administrative Prejudice: Analysis of Theory and Law Enforcement. Legal Linguistics, 25, 35–41.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
